

В майском номере за 2012 год редакция “Нашего современника” опубликовала очерк Бориса Куркина “Тоже победители”. Автор не без оправданной иронии рассказывал о вкладе в Победу над фашизмом ряда западноевропейских государств, вовремя примкнувших к антигитлеровской коалиции и потому причисленных к державам-победительницам. Продолжаем это увлекательное исследование.

БОРИС КУРКИН

ТОЖЕ ПОБЕДИТЕЛИ-2

Пыль в глаза

... Взгляните в лорнет, и вы увидите Францию во всей ее красе.

... Это было время, когда люди были счастливы, женщины — легкомысленны, а мужчины занимались любимым делом — войной.

... Это была настоящая война в кружевах!

Пролог к к/ф “Фанфан-Тюльпан”

Кто не любит рассматривать старые фотографии? Покажите его голову народу!

Эту естественную для всякой живой души потребность лицезреть запечатленное на пленку прошлое и попытались удовлетворить организаторы выставки “Париж во время оккупации”, открывшейся в конце апреля 2008 года в Парижской исторической библиотеке. Закончилось все для организаторов культурного мероприятия довольно неожиданно: их обвинили в... “реабилитации нацизма”. А член городского совета и глава департамента культуры К. Жирар даже заявил журналистам, что эта выставка “непереносима”.

Организаторы мероприятия оказались тоже не лыком шиты и загодя выпустили брошюру, в которой изложили исторический контекст, который непременно следовало учитывать при обзоре фотографий. Однако не тут-то было! Культуртрегер Жирар, выступивший локомотивом целого эшелона прочих правдолюбцев, потребовал, чтобы выставку, которая должна была продлиться два месяца, закрыли немедленно.

Что же так возмутило французских правдборцев?

Надобно сказать, что на экспозиции было представлено более 250 цветных фотографий, сделанных между 1941-м и 1944 годами французским фотографом А. Зукка, в прошлом коллаборационистом, тихо умершим в 1973 году.

В годы войны Зукка работал – в журнале “Сигнал”, являвшемся по сути рупором германской пропаганды. Его фотографии показывают, как жили и наслаждались жизнью парижане и гости столицы, коротая время в бесчисленных кафе, городских парках, на бульварах, как подтянуты и галантны были немецкие офицеры (могут ведь, когда захотят!) и как элегантны были парижские дамы – красотики и модницы, – которым строили куры их немецкие кавалеры. Лишь на двух снимках промелькнули лица несчастных евреев с неизменными желтыми звездами.

В утешение тем, кто не сподобился попасть на ту выставку, можно сказать, что все они давным-давно выложены в сети Интернет, а посему никакой тайны из себя не представляли и не представляют. Однако борцы за чистоту славного французского прошлого решили, что фотографическое зеркало оказалось кривым, отчего и начали пенять на него слаженным хором.

Разумеется, и у нашего человека, рассматривающего фотографию, на которой немецкий офицер одаривает русского босоногого ребенка шоколадкой, могут возникнуть определенный скепсис и недоверие, если пытаться выстроить на их основании общую гуманитарную картину прошлой войны. Однако, когда подобных фотографий много и даже очень много, как в случае с А. Зукка, то возникает повод и призадуматься...

В нашем распоряжении – и все благодаря тому же интернету! – есть еще и “Бундесархив”, то есть “Фотоархив ФРГ” с его колоссальной фототекой. Любопытно, что значительную его часть составляют private фотографии, сделанные теми же немцами во Франции. И что самое интересное, по духу и тону они удивительно напоминают, если не идентичны “официальным” фотоработам А. Зукка. На одной очаровательная француженка кокетничает с сидящими в авто немецкими солдатами и унтерами. На другой немецкий солдат учат мадмуазель кататься на велосипеде, на третьей – немецкий офицер в окружении радостно улыбающихся французских дам держит на руках французского младенца. Так и хочется сделать под нею подпись: “Французские дети – наше будущее!”

Про фото из борделя говорить не будем: работа есть работа! И “зажатых” и неулыбчивых барышень и дам там не держат.

Вот бордель, размещенный в здании брестской синагоги. На нем объявление: “Открыт с 10 до 21 ч. Каждый немецкий солдат обязан покинуть заведение к 21 часу”. “Война – войной, а любовь по расписанию!”

А это группа немецких офицеров угощается принесенным мадмуазелью шампанским. Все счастливы и весело смеются, радуясь жизни. На нас смотрит прелестная пара: он в мундире старшего офицера вермахта, и она – в дорогом элегантном костюме. Так и хочется сказать, умиляясь: “Совет да любовь!” И таких фотографий – пропасть. И все они из личных архивов немецких солдат и офицеров.

Особое место среди частных фотографий занимают “пляжные снимки”, папку с которыми можно было бы озаглавить так: “Мир! Дружба!” Лето. Море. Загорает, лежа в лонгшезе, элегантная мадам в длиннополой шляпе. Все как в мирное время. Да оно и было вполне мирным и по виду вполне беззаботным.

Смеющиеся французские барышни в купальниках и бравые немецкие парни. Молодые, здоровые, красивые. Так и хочется воскликнуть: “Эй, Жак! Твою Марианну умыкают!” Общее впечатление: “А жизнь-то налаживается!”

Не исключено, конечно, что все эти фотографии – постановочные. Но... уж больно их много!

Что ж, поговорим о Прекрасной Франции и ее победах, поскольку она официально числится среди победителей Второй мировой.

Начало НАСТОЯЩЕЙ войны с Германией для Франции, прямо скажем, не задалось. А для кого оно задалось?

Для Голландии с Бельгией?

Для Люксембурга с Данией?

Для Польши с Норвегией?

Для нас, грешных?

Начало войны для Франции уже через месяц с небольшим плавно перетекло в сокрушительное поражение, капитуляцию и оккупацию.

10 мая немецкие полки перешли границы, а уже 18 мая по радио выступил с обращением к народу премьер-министр Рейно. Он призывал не поддаваться панике, соблюдать порядок и верить в победу. Однако вместо призы-

ва оказать врагу всенародное сопротивление прозвучало это: “Победитель Вердена, тот, благодаря которому неприятель не прошел в 1916 году, благодаря которому дух французской армии ожил в 1917 году, маршал Петен отныне будет со мной, как министр без портфеля и заместитель председателя совета министров. Он останется на этом посту до победы!”

На другой день с такой же напыщенностью было преподнесено назначение генерала Вейгана главнокомандующим союзными армиями вместо смещенного Гамелена. По словам корреспондента Рейтер, в Париже были убеждены, что генерал Вейган сумеет быстро организовать энергичный отпор германскому наступлению. Вейган, — говорилось в сообщении, — был правой рукой маршала Фоша. А еще говорилось, что Вейган никогда не знал поражений. Одним словом, предполагалось, что у французов должно сложиться впечатление, что Вейган — это как минимум Гай Юлий Цезарь. Или Суворов.

20 мая германские танки захватили Абвилль, стоящий у впадения реки Соммы в Ла-Манш. Весь север Франции был отрезан вместе с тремя французскими армиями, британскими экспедиционными силами и всей бельгийской армией.

21 мая Рейно, выступая в сенате, произнес речь, в которой обычный пафос политика заглушался отчаянием. “Отечество в опасности, — говорил он. — Мой первый долг сказать правду сенату и стране. Мёз (французское наименование реки Маас) всегда считался крупным препятствием для противника. Вследствие невероятных ошибок, за которыми последуют наказания, мосты на Мёзе не были уничтожены. По этим мостам прошли бронетанковые дивизии, впереди которых летели боевые самолеты, нападавшие на редкие французские дивизии, плохо укомплектованные офицерским составом и плохо обученные для отражения таких атак. Так была подорвана эта ось, на которую опиралась французская армия. На протяжении ста километров была образована брешь, в которую вторглась германская армия. Как мы дошли до этого? Если бы мне сказали, что только чудо может спасти Францию, я бы ответил, что верю в чудо, так как верю во Францию!”

Но чудо не совершилось. Вместо него вступил в силу Первый закон паники: “Спасайся кто может и как может!”

17 июня французское правительство отклонило предложение Черчилля о “нерушимом союзе Франции и Великобритании” и необходимости сражаться до конца. 22 июня 1940 г. в Компьенском лесу, в том же вагоне, в котором было подписано перемирие 1918 г., на встрече Гитлера и генерала Ш. Хюнцигера был подписан акт о капитуляции (Компьенское перемирие 1940 г.). 25 июня военные действия официально закончились.

На фотографиях из Бундесархива запечатлена картина полного разгрома считавшейся непобедимой французской армии с ее “линией Мажино”.

Особенно впечатляет та, на которой французских военнопленных конвоируют свои же — французские! — “Сенегальские стрелки” с винтовками наперевес. По виду конвоируемых не заметно, чтобы они горели желанием разметать охрану и, отобрав у своих бывших товарищей по оружию винтовки, броситься врассыпную.

Вот идут с поднятыми вверх руками веселые, пьянькие и расхристаные французские солдатики: “Ура! Война закончилась! По домам!”

А вот горы французских касок, едва не превышающие по высоте пирамиду Хеопса.

Вот юный служивенький с испуганным птичьим лицом. Ему так и хочется посочувствовать: “Ну, куда тебе, родимый, до тевтона! С кем тягаться удумал...”

Ну и, разумеется, горы разбитой французской техники, включая неприличные для русского глаза французские бронированные мастодонты.

Любопытная деталь. Как известно соотношение потерь офицерского и рядового состава армии составляет, как правило, 1:10. Оно и понятно — офицеров всегда меньше, чем солдат. В кампании же 1940 года соотношение потерь офицерского и рядового состава изумило выдавших виды профессоров от военной статистики: 1:3,5. Это означало, что на трех (четыре) убитых солдат приходился один офицер. Иными словами, воевали в сущности лишь офицеры. Солдатики же...

Бесстрастная сухая цифирь говорит о том, что в результате войны Французская армия потеряла 84 тысячи человек убитыми и более полутора милли-

онов пленными. ВВС и танковые силы были частично уничтожены, частично встали на вооружение вермахта. Немецкие войска потеряли 45 074 человек убитыми, 110 043 ранеными и 18 384 пропавшими без вести.

Это потери, понесенные Францией от своего противника — Германии.

К ним следует присовокупить потери, понесенные от своего союзника — Англии, уничтожившей или нейтрализовавшей к концу июля 1940 года почти весь французский флот.

Продолжаем рассматривать фотографии. Вот милые девчушки с косичками весело машут флажками, приветствуя победоносную германскую армию. Рты до ушек. На флажках свастика. На мордашках несказанная радость: “Лотарингия снова германская!”

Пройдет совсем немного времени, и лотарингский крест будут использовать дяди с прямо противоположными взглядами на государственную принадлежность той многострадальной франко-германской (или германо-французской?) сторонки.

Как ни приятно было следить за налаживавшейся день ото дня жизнью, однако вопрос “Кто виноват?!” с повестки дня никто поначалу не снимал. И ответить на него предстояло новому начальнику нового французского государства — маршалу Анри Филиппу Петену.

Он и ответил на него, выступая по радио 25 июня: “Наше поражение стало результатом нашей распушенности. Состояние вседозволенности разрушило все, что было создано духом жертвенности. Поэтому я призываю вас в первую очередь к интеллектуальному и моральному возрождению”.

Тут уместно вспомнить предвоенную ситуацию во Франции. Военные подвергались насмешкам, на них смотрели с интеллектуальных высот с едва скрываемым презрением. Еще бы! У Франции была неприступная “линия Мажино”! А эти бездельники, тупицы, только и могут, что строем ходить! Идея возможной новой войны становилась невыносимой и активно “вытеснялась” из сознания, отчего расцвел махровым цветом пацифизм. В итоге идея “положить конец войне” была встречена с одобрением и облегчением: плоды либерального просвещения оказались коварнее молодого божоле.

Отношение к людям в форме было во Франции той поры сродни отношению де Голля к полицейским: “Если бы полицейские не были глупы, они не стали бы полицейскими”. Сказано это было не каким-нибудь утонченным интеллектуалом и не барышней-революционеркой, а человеком, мыслившим себя в качестве воплощения государственного порядка и всю жизнь носившим военную форму. Что же удивляться, если и к армейцам относились аналогичным образом.

Свою руку к катастрофе приложили и руководимые и направляемые Коминтерном французские коммунисты, ведшие активную антивоенную, а по сути пораженческую пропаганду, заслужившие тем неподдельную любовь армии и правительства. Любопытно, что в советской литературе причины запрета компартии стыдливо замалчивались. Сам же лидер французских коммунистов — М. Торез — был призван в армию рядовым, однако успешно дезертировал и вскоре очутился в Москве.

Коллективная вина, с точки зрения активной пропаганды, штука не слишком эффективная, и потому французам требовался настоящий козел отпущения. И он был моментально найден. Им стал главнокомандующий генерал Морис Гюстав Гамелен (“генерал-философ”, как называли его современники), готовивший тайне ото всех (за исключением генерала Г. Бийотта, погибшего 23 мая) ловушку для оторвавшихся от пехоты танковых соединений вермахта. Однако в западню угодила он сам: накануне решающих фланговых ударов Гамелен был отстранен от командования премьер-министром П. Рейно и сдал командование срочно выписанному из Бейрута М. Вейгану — такому же герою прошлой мировой и такому же консультанту маршала Пилсудского. Однако тот счел дело слишком запущенным и махнул на войну рукой, пополнив первые ряды капитулянтов.

Перелет с Ближнего Востока в Западную Европу и по нынешним временам дело во всех отношениях утомительное. Что говорить о подобных перелетах 70-летней давности. А генерал Вейган был уже не мальчик, а вполне себе дедушка, и ему шел уже восьмой десяток. Так что ничего удивительного в том, что он первым делом отменил план Гамелена и пошел отдыхать. С дороги он проспал целые сутки. Выспавшись, генерал принялся выяснять обстановку и выяснял ее еще двое суток.

Убедившись, что приказ Гамелена был все же нужным и правильным, он повторил его. Однако германское командование повело себя отнюдь не по-рыцарски и вместо того, чтобы застопорить движение и ждать, пока Вейган выпится и примет вместе со своим “гофкригсратом” правильное решение, оно презрев всякую галантность, поспешало на выручку своей зарвавшейся и приготовившейся к закланию бронированной “свиньи”. В результате вслед за танковыми колоннами в Северную Францию двинулись основные силы вермахта. И никакой тебе галантности и желания войти в положение партнера. Немцы, что с них взять!

Одной отставкой дело для Гамелена не кончилось: 20 сентября 1940 года – в день своего 68-летия – правительство маршала решило преподнести генералу сюрприз: оно арестовало бывшего главкома объединенными вооруженными силами Франции, Бельгии, Великобритании и Голландии и вывело его на так называемый “Риомский процесс”, по итогам которого тот был осужден как главный виновник... втягивания Франции в войну против Германии. После того как правительство Виши решено было “сактировать”, а Францию оккупировать полностью, немцы вывезли Гамелена вместе с Петеном в Германию с тою лишь разницей, что Петен вместе со своим “правительством в изгнании” оказался в качестве секретера в замке Зигмаринген – родовом гнезде Гогенцоллернов-Зигмаринген, что в Баден-Вюртемберге, а Гамелен переместился из форта дю Портале, что расположен во французских Пиренеях, в замок Иттер, что в Северном Тироле.

Под замком.

Вместе с ним оказался в Иттере и его “сменщик” на посту главкома М. Вейган, успешно поработавший с июня по сентябрь 1940 г. в качестве министра обороны на режим Виши. Помимо этого, он еще успел отметить и в качестве начальника военного трибунала, заочно приговорившего в августе того же года к смертной казни заместителя военного министра полковника де Голля, ушедшего в самоволку в Лондон вместе с деньгами, выданными ему из секретного фонда правительства премьером П. Рейно.

Больше того: в то время как все, включая его непосредственное начальство, обсуждали перспективы капитуляции, полковник де Голль выступил с инициативой (правда, уже в Лондоне) продолжать войну. А инициатива, как известна, наказуема. Возможно, для многих это станет новостью, но на несколько ДНЕЙ – незадолго до Дюнкерка – Франция и Англия (Британская империя) стали ЕДИНЫМ государством (формально речь шла об объединении правительств, но это по сути то же самое). Этот договор, превращавший Францию в провинцию Англии, наподобие Индии в составе Британской Империи, подписали Черчилль и... заместитель военного министра де Голль. Потом, когда выяснилось, что за французом ничего реального не стоит, договор предпочли “забыть”, а самого будущего вождя Сопrotивления милостиво свезли в Англию в роли этакого “Паулюса”, который всю войну в основном воевал по радио, рассказывая своим слушателям о том, как хорошо будет, когда он придет к власти и станет править вместо Петена.

Так что начальникам де Голля было за что приговаривать его к расстрелу: формальные признаки неповиновения и даже измены были “на лице”.

“Франция проиграла сражение, но она не проиграла войну! – вещал по лондонскому радио великий слушник начальства. – Ничего не потеряно, потому что эта война – мировая. Настанет день, когда Франция вернёт свободу и величие. Вот почему я обращаюсь ко всем французам объединиться вокруг меня во имя действия, самопожертвования и надежды”.

Кстати, звание генерала де Голль присвоил себе сам, находясь в Альбионе. И хотя представление к званию бригадного генерала было начальством сделано еще до капитуляции, дальше бумага не пошла: всем было уже не до того, а потому пенсию после освобождения Франции де Голль получал всего лишь полковничью.

В том же Иттере, ставшем своего рода элитным узилищем, находились сестра де Голля Мари-Агнес, племянница генерала Женевьева, переведенная из Равенсбрюка, и полковник де ла Рок – шеф ветеранского объединения “Огненные кресты”, плотно работавший с правительством Виши и угодивший за параллельный роман с англичанами в гестапо. Здравый смысл и инстинкт самосохранения подсказывали Гимmlеру, что таких деятелей следует всемерно оберегать от неприятностей и эксцессов, дабы было чем торговаться впослед-

ствии с оппонентами. В итоге все они в скором времени вдохнули воздух свободы и дожили до весьма преклонных годов.

В апреле 1945-го замок был взят под контроль союзниками, а его насельники — Петен вместе со своими “изгнанниками” — были отправлены по этапу в форт дю Портале, а оттуда — в Париж для судебного разбирательства, которое началось уже в июле — через два месяца после капитуляции Германии. Война закончилась, и Гамелен вместе с Вейганом вновь очутились на нарах — теперь уже в родной Франции. На сей раз Гамелена объявили главным виновником поражения Франции в июне 1940-го но его спасло активное заступничество де Голля, в результате которого Гамелен был оправдан.

Писатель А. Жеро, неплохо знавший Гамелена, писал о нем так: “Гамелен, по-видимому, принадлежал к числу людей с широким и острым умом, которые не терпят, когда нарушается их представление о вещах. Более того, такие люди избегают малейших обстоятельств, которые могли бы заставить их изменить это представление. Мне говорили, что он редко посещал фронт или хотя бы даже военную зону и что почти все его поездки, в качестве командующего союзными армиями, сводились к поездкам между Венсенским замком и резиденцией Даладьё или между Венсенном и Лондоном, когда там собирался высший военный совет. И, разумеется, не страх перед опасностью и, пожалуй, даже не усталость (но в этом я не так убежден) удерживали его; вероятнее всего это было желание избежать суматохи, осложнений, неприятных открытий, на которые можно было натолкнуться, взысканий, когда пришлось бы налагать, и всякого рода инцидентов, в которых ему пришлось бы проявить свой гнев. Он предпочитал “обдумывать войну” подобно Декарту в своей роле— его знаменитой комнате в Голландии”.

Вейган же пошел на процесс в качестве пособника гитлеровцев. Проведя в заключении 2 года в парижском военном госпитале в Валь-де-Грас, Вейган был, тем не менее, амнистирован, а в 1948 году оправдан Верховным судом за “отсутствием состава преступления”. Надо полагать, к немалой досаде де Голля.

Выйдя на волю, Вейган засел за написание трудов, итогом чего стали “История французской армии” в 3-х частях, биография маршала Ф. Фоша, полемический комментарий к мемуарам де Голля и многое-многое другое (всего 13 томов). Одновременно Вейган боролся за реабилитацию памяти Петена. К моменту смерти, последовавшей в 1965 году, 98-летний Вейган был дуайеном (старейшиной) Академии. И единственно, чем мог досадить ему — уже за гробом — президент де Голль, было то, что он запретил проводить заупокойную церемонию по Вейгану в Доме Инвалидов.

Гамелену же — благодаря заступничеству того же самого де Голля — тоже повезло: он тоже был оправдан и, выйдя на волю, тоже засел за книгу воспоминаний, названную им “*Servir*”, что означает в переводе “Служить”. Он умер в середине апреля 1958 года в возрасте 86 лет — в самый разгар новой французской смуты, грозившей перерастить в военный и государственный переворот и новую гражданскую усобицу.

Утешением преданному суду бывшему главкому могло быть лишь то, что его “благодетеля” Петена новая французская власть тоже арестовала и стала судить как главного пособника гитлеровцев. На суде Петен заявил, что всегда был сторонником Сопротивления, что ничего не имел даже против де Голля, что защищал Францию от оккупантов, что судить его должен весь французский народ, а не верховный суд и т. п., и потому отказался отвечать на вопросы, предложенные ему судом. Несмотря на это, было решено продолжать процесс, ограничившись допросом свидетелей и экспертов и прениями защиты и обвинения.

Подсудимый был признан виновным в государственной измене и военных преступлениях, за что приговорён к преданию смертной казни через “расстреляние”, общественному бесчестию и конфискации всего имущества.

Де Голль, исполнявший на тот момент обязанности Председателя Временного правительства, служивший до войны под началом Петена и назвавший в его честь своего сына Филиппом, помиловал в августе 45-го 89-летнего маршала и заменил ему смертную казнь пожизненным заключением, очевидно из уважения к сединам обвиняемого и его заслугам в годы Первой мировой войны. Правду сказать, смягчение приговора из соображений возраста рекомендовала уже сама французская Фемида — вольнодумная, но милосерд-

ная. Последние шесть лет жизни Петен провёл в крепости на острове Йе, что в Вандее, где и был похоронен. Незадолго до смерти с разрешения тогдашнего президента Франции В. Ориоля он был переведён из тюрьмы в гражданскую больницу, что продлило его жизнь до 96 лет.

В 1966 году, в 50-ю годовщину Верденской баталии, президент де Голль приказал возложить на могилу Петена цветы, что было повторено в 1976 году при Жискаре д'Эстене, а при Миттеране цветы на могилу маршала стали возлагаться в верденскую годовщину регулярно. Родственники жертв нацизма пытались по сему поводу протестовать, однако их пыл охладил в 1998 году Европейский суд по правам человека в Страсбурге, признавший за сторонниками Петена право на его защиту.

Но все это произойдет чуть позже, хотя в это “чуть” могла вписаться иная эпоха.

“Проект “Виши”

Восстановим хронологию событий.

13 июня – Петен выступает с требованием немедленно заключить перемирие, пригрозив, что в противном случае французская армия не сможет предотвратить якобы зреющую коммунистический мятеж.

Очень любопытно! По всему выходило, что французы, хотя бы и красные, были для героя Ведена и иже с ним страшнее немцев. Петен был не одинок в своих опасениях, о чем свидетельствуют многочисленные источники. Так, мэр Бордо А. Марке, эволюционировавший за время своей политической карьеры из социалиста в национал-социалиста, провозглашал, что “новая Франция” должна сотрудничать с Германией, дабы покончить с коммунизмом, демократией и евреями. Его друг П. Лаваль, не раз становившийся премьером Франции, постоянно твердил, что “Муссолини свой человек, и он не даст Германии слишком сурово обойтись с Францией”.

Сторонники Петена усердно рекламировали маршала, внушая публике, что он единственный, кто способен добиться от немцев почетных условий мира, способный построить на развалинах новую Францию – по образу и подобию католической Испании Франко. При этом Марке и Лаваль сходились на том, что в поражении Франции виновны Народный фронт, Англия и, натурально, Россия, то есть СССР. И они были не одиноки.

Журналист и писатель А. Симон вспоминал, что когда он приехал в Тур, наступление “пятой колонны” в самом правительстве и вне его было в полном разгаре: “Один из министров, которого я встретил у здания мэрии, сказал мне, что генерал М. Вейган, новый главнокомандующий, решительно заявил о безнадежности сопротивления натиску германских войск. Во время заседания кабинета министров генерал Вейган внезапно встал и вышел из комнаты. Через несколько минут он вернулся в страшном волнении, с криком: “Коммунисты завладели Парижем! В городе беспорядки! Морис Торез в Елисейском дворце!” Вейган потребовал, чтобы немцам было немедленно отправлено предложение о перемирии. “Мы не можем отдать страну коммунистам, это наш долг перед Францией!”

По словам моего собеседника, сообщение Вейгана произвело сильное впечатление. Но Жорж Мандель, министр внутренних дел, немедленно подошел к телефону и вызвал парижского префекта. Ему сообщили, что в Париже все спокойно, нет ни беспорядков, ни уличных боев. Маневр Вейгана сорвался.

– Надолго ли? – с унынием спрашивал меня министр”.

Судя по всему, коммунисты крепко подвели в очередной раз отважного генерала, не учинив мятежа и не дав ему повода как можно скорее капитулировать.

Как отмечали после войны современники, почти никто не верил, что немцев удастся разбить, а поначалу впечатление было такое, что с ними можно неплохо ужиться. И притом устроить, чтобы Франция могла побыстрее перейти “из стана побежденных в стан победителей”.

О пораженческих настроениях в правившей Францией верхушке писал в своих мемуарах и де Голль. И хотя к мемуарам следует подходить с крайней осторожностью, поскольку основным побудительным мотивом их авторов является стремление заработать и оправдаться, сомневаться особо не приходится: свидетельств поражения сохранилась масса. Когда де Голль спро-

сил П. Рейно, почему в состав правительства введен Петен, явный сторонник прекращения войны, премьер ответил: “Лучше уж иметь его внутри, чем снаружи”. Одним словом, ситуация выглядела следующим образом: немец шел бронированной свиньей, а француз в это время истончался в искусстве паркетных интриг, крепко держа в уме уроки Парижской коммуны. Важно было при этом не перепутать причины и следствия: ведь возникновению Коммуны способствовала как раз капитуляция перед пруссаками в 1871 году.

Де Голль приводит в своих мемуарах и свой разговор с Вейганом, в ходе которого энергичный заместитель военного министра напомнил главному о том, что поражение Франции еще не есть поражение Французской империи и “войну следует перенести в пространство”. Ответ горестно рассмеявшегося Вейгана был обескураживающим: “Империя? Это несерьезно! Что же касается остального мира, то не пройдет и недели после того, как меня разобьют, а Англия уже начнет переговоры с Германией. Ах! Если бы я только был уверен в том, что немцы оставят мне достаточно сил для поддержания порядка...”

Продолжим нашу хронику.

14 июня – 6-я армия, та самая, что ляжет через два года костями под Сталинградом, вступает с барабаном и флейтой в Париж. Французское правительство бежит в Бордо. Бегство в Бордо означало, что правительство готовится к капитуляции: вот если бы оно побежало к Ла-Маншу, то это означало, что оно хочет эвакуироваться в Англию, став правительством в эмиграции, имитирующим сопротивление.

А что Париж? Париж – всегда Париж! Кто бы в него ни заходил – донцы ли молодцы во главе с Русским Царем или верные солдаты фюрера со своим фюрером. В 1814 году восторженные французы, забывшие тут же своего многобожяемого Императора, радостно и слезами на глазах приветствовали уже другого Императора – Александра Первого Благословенного, и статьи в независимой прессе свидетельствовали о том, что французы хотели иметь ТАКОГО Императора, как Русский Царь Александр.

...Бравая немчура вошла в Париж как по паркету. Город словно вымер. Но через час с небольшим на улицы столицы ее величества Любви вышли ее верные жрицы и, убедившись в том, что гитлеровцы такие же клиенты, как и все прочие, устроили себе и победителям праздник. Вслед за славными почитательницами Жанны д’Арк и мопассановской Пышки потянулась на улицы пришедшая в себя прочая публика. Шампанское пошло нарасхват и полилось рекой: наконец-то эта “глупость война” кончилась.

Немцы высоко оценили возможности спокойного отдыха и веселого досуга в “ночном Париже”, в котором буквально тотчас же были открыты более сотни заведений специально для обслуживания “интуристов”.

Впрочем, до формального окончания войны оставалось еще 11 дней. Но для Парижа она уже закончилась, и на Эйфелевой башне было поднято знамя победителей – ярко-красное полотнище с огромной черной свастикой.

Разумеется, поначалу имели место и некие досадные казусы. Об одном из них пишет в своих воспоминаниях “На острие танкового клина 1939–1945” Х. фон Люк: “Отъезд Петена в Виши запланировали на следующий день. К сдаче города тоже все было готово, так что оставалось самое большее два дня непривычной работы.

Вечером наш “мавр” в отеле принес нам кофе.

– Как вы полагаете, – спросил я Кардорфа, – не пойти ли нам куда-нибудь в город и выпить?

Он счел предложение дельным, мы погрузились в вездеход и отправились к ратуше, рядом с которой, по нашим подсчетам, должен был находиться бар.

Город казался совершенно вымершим. Тут до нас вдруг дошло, что мы сами установили начало комендантского часа – десять часов. А время перевалило уже за четверть одиннадцатого. Что было делать?

Затем мы заметили экипаж – один из тех, которые являлись в то время основным транспортным средством в городе. Возница спал в козлах.

– Monsieur, – обратились мы к нему, тормоша. – Эй, мсье!

Он увидел форму и очень перепугался:

– Mon General, у меня семья! Я просто заснул, господин генерал!

Мы успокоили его:

– Все в порядке. Скажите нам только, где сейчас можно достать выпивки?

– Нет, мсье, все закрыто из-за “couvre feu”, все боятся нарушить его.

Есть еще, правда, “maison serieuse” [“серьезный дом” (фр.)], но я не знаю, откроют ли там вам.

Мы и понятия не имели, что такое “мезон серьёз”, но чувствовали себя готовыми на риск. Посему мы попросили возницу показать нам путь к вожделенной выпивке. Улицы становились все уже, райончик, в котором мы очутились, выглядел все более сомнительным. То там, то тут, казалось, за нами наблюдали из-за щелок между шторами. Положение наше стало совсем неприятным.

— Куда вы нас ведете, мсье?

— Voila — мы уже пришли.

Он поднялся, подошел к двери и постучал. Появилась пожилая женщина.

— Милости прошу, генераль, — как и извозчик, она на всякий случай изрядно повысила меня в звании. Чего не сделаешь ради собственной безопасности!

Я недвусмысленно дал понять вознице, чтобы он дожидался нас, если ему жизнь дорога.

Не успели мы переступить порог заведения, как тут же поняли, что означает “maison serieuse”. Мы попали в бордель — разумеется, во французский бордель. Обстановка была прекрасная, мадам лучилась любезностью, девушки ее производили впечатление.

— Мадам, — начал я, стараясь объяснить ситуацию, — вплоть до передачи города мы являемся уполномоченными представителями немецкой стороны в Бордо. Все, что мы хотели, — немного выпить, но оказались в нелепом положении из-за комендантского часа, который сами же и установили.

— Добро пожаловать. Давайте выпьем по бокалу шампанского за окончание войны. Наша женская доля — скорбеть и плакать.

После четверти часа оживленной беседы, посвященной тому, за что стоит и за что не стоит воевать, мы покинули гостеприимный дом, уходя заверив хозяйку, что непременно порекомендуем ее заведение местному немецкому штабу. Она искренне обрадовалась и вручила нам свою визитку”.

Продолжаем нашу хронологию.

16 июня — уходит в отставку премьер-министр П. Рейно. Его место занимает А. Петен.

17 июня — Петен в радиообращении к нации призывает французов “прекратить борьбу” и через испанское посольство обращается к Германии с предложением заключить перемирие. В том же послании он обращается к французским солдатам “мужественно сражаться и дальше, пока переговоры о перемирии не будут закончены”, морально “добивая” тех, кто еще верит в возможность продолжения борьбы.

В тот же день — 17 июня — полковник де Голль спешным порядком эвакуируется в Лондон.

18 июня — из Лондона полковник де Голль призывает по радио французов присоединиться к его “Сражающейся Франции”.

20 июня — Петен своим указом запрещает членам правительства и парламента покидать страну.

21 июня — 27 парламентариев (в их числе семь министров правительства Народного фронта, людей известных и авторитетных) в нарушение запрета отплывают на пароходе “Массилия” в Марокко, чтобы продолжить борьбу с врагом в колониях.

22 июня — начальник штаба Верховного главнокомандования Германии и командующий арденнской группой французских армий подписали в Компьенском лесу акт о капитуляции Франции, вступивший в силу 25 июня. Он предусматривал расчленение страны: на двух третях территории (северные и западные департаменты) устанавливался немецкий оккупационный режим, а южная часть и колонии сохраняли суверенитет и оставались под властью правительства Петена.

1 июля — правительство Петена, обосновавшееся в курортном городке Виши, добивается от президента Франции А. Лебрена согласия на созыв внеочередного заседания обеих палат парламента.

3 июля — англичане атакуют и уничтожают французские корабли, стоявшие на рейде алжирского порта Мерс-эль-Кебир, дабы те не достались Германии. В ходе этой операции гибнут 1297 французских моряков, что используют в пропагандистских целях и немцы, и петеновцы. Да и грех было бы не использовать!

Надо полагать, атака бывших союзников на французский флот в Алжире изрядно прибавила симпатий французской общественности англичанам, требовавшим перевести корабли в порты Британии или США либо затопить их. Благоразумно приумолк на какое-то время в своем Лондоне и де Голль.

9 июля – 670 парламентариев, собравшихся по иронии судьбы в театре-кабаре (другого столь же вместительного зала в Виши не нашлось), проголосовали за предложение правительства Петена изменить Конституцию 1875 года.

10 июля – Назначенный Петеном вице-премьер П. Лаваль оглашает проект Конституционного закона, немедленно утвержденный парламентариями (569 голосов за, 80 против при 17 воздержавшихся). Текст его состоит всего из одной статьи, согласно которой вся полнота власти переходит к “главе государства” Петену, а цели Французской республики “Свобода, равенство, братство” заменяются триадой “Труд, семья, отечество”, почерпнутой из идейных арсеналов ветеранской организации “Боевые кресты” полковника де ла Рока. Современники называли ее “профашистской”, нынешние авторы усматривают в ней предтечу ГОЛЛИЗМА.

На следующий день Петен подписал три закона, которые составили “новую конституцию”. В соответствии с ними маршал становился главой французского государства, и отныне ему, маршалу, принадлежала вся полнота законодательной, исполнительной и верховной судебной власти. Слово “Республика” исчезло из политического словаря. Показательно, что указы Петена начинались так: “Мы, Маршал Франции, Глава Французского Государства, и Совет министров постановляем...” (эта формула предшествовала всем законам вишистского режима). Не хватало лишь традиционного и вышедшего из употребления “Божьей милостью”.

Изменялся и процесс передачи высшей государственной власти, наследником которой назначался “дофин”. Таковыми становились вице-президент П. Лаваль, а затем Ф. Дарлан – последовательно становились наследниками всей полноты власти главы государства на случай “невозможности” осуществления оной им самим. Не предусматривались никакие выборы, никакое наделение полномочиями, кроме того, которое осуществлял Государь-Маршал. Закон от 12 октября 1940 г. приостанавливал сессии избранных генеральных советов, заменяя их “административными комиссиями” и передавая их полномочия префектам.

Произошедшее – установление союза с Германией и введение новой конституции – решено было считать “Национальной революцией”. Гербом вишистского режима стал боевой топор франков – так называемый топорик-франциска.

Гимном официально оставалась все же “Марсельеза”, что было не совсем логично и выглядело явной уступкой укоренившейся привычке. Гимн королевской Франции “Да здравствует король Генрих Четвёртый!” был бы куда более к месту. Немцы исправили этот досадный промах, запретив лихую революционную песнь “Рейнской армии”. Фактическим гимном стала напоминающая спортивный марш бодренькая песенка в честь Петена “Маршал, мы здесь!” (“Maréchal, nous voilà!”).

Создание “новой идентичности” Франции шло полным ходом. С таким подходом к делу Петену и его правительству логично было бы утвердить свою резиденцию в Версале, находившемся, впрочем, в зоне немецкой оккупации. Причину того, отчего этого не было сделано, Гитлер объяснял Петену в своем письме к нему от 11 ноября 1942 года: “. . .хотел бы уверить вас, маршал, что вы и ваше правительство можете передвигаться по всей Франции безо всяких ограничений.

Фактически, я заявил, что против переезда французского правительства в Версаль только из опасения, что вражеская пропаганда пустит утку, что вы, маршал, и ваше правительство лишены свободы и, следовательно, не можете исполнять свои функции в этих обстоятельствах”. Поводом же для написания этого письма стало введение режима оккупации на всю территорию Франции.

В целом ситуация, в которой очутилась Франция, описывалась формулой, которую озвучил некий видный дипломат Виши: “Если Англия одержит победу, “*rex britannica*” будет для нас намного менее неблагоприятным, чем “*rex germanica*”. И тут ни убавить, ни прибавить.

Правительство Виши во главе с маршалом Петеном вполне можно было бы назвать марионеточным, однако оно получило вполне политкорректное обозначение “коллораборационистского”, то есть “сотрудничающего”. В оборот слово было запущено самим Петеном после его встречи с фюрером. По условиям капитуляции (формально, “перемирия”), 3/5 территории Франции были отданы под контроль Германии. Французские войска были разоружены, а содержать немецкие оккупационные войска должны сами же французы. Правду сказать, по сравнению с условиями Версальского договора, который французы два десятилетия тому назад уготовили тевтонам, вместе с его “Боши заплатят за все!” это было в целом по-божески, хотя, в отличие от Версаля, побежденного пришлось все же оккупировать. В оккупированных районах была сосредоточена основная часть экономического потенциала Франции, который достался немцам в целости и сохранности: пострадали – да и то не смертельно – заводы Рено. Все остальное работало на Великую Германию, как швейцарские часы: и авиационные, и моторостроительные заводы, и судоверфи, и все прочее, весьма полезное и нужное для ведения войны.

Правда, 1 миллион 850 тыс. французских военнопленных, включая несчастных негров, по-прежнему оставались в Германии. Их использовали как в промышленности, так и на сельхозработах. Понятное дело, что последним жилось сытнее, нежели первым. Помимо них в промышленности и сельском хозяйстве рейха использовались направленные в добровольном и принудительном порядках 250 тыс. французов и 600 тыс. так называемых “добровольных рабочих” (“гастарбайтеров” того времени).

30 июня германские власти объявили о порядке управления территориями Северо-Западной Франции, в соответствии с которым два департамента, Нор и Па-де-Кале, были подчинены оккупационной администрации Бельгии, а Эльзас и Лотарингия вошли в состав рейха и стали управляться назначенным Гитлером гауляйтером. На этих территории стали действовать германские законы.

Приняв новую конституцию, вишисты тут же приступили к бурной законотворческой и административной деятельности.

22 июля – создана комиссия по пересмотру слишком либерального, по мнению властей, закона о натурализации от 1927 года.

11 августа – запрещена деятельность масонских лож. Ложі распускались, а имена их членов публиковались в “Официальной газете”, дабы масоны подверглись общественному осуждению. Сам Петен “вольных каменщиков” на дух не переносил.

16 августа – законом об Организационных комитетах, создававшихся для каждой отрасли промышленности, положено начало созданию корпоративного хозяйства.

3 сентября – вышел закон, подтвердивший запрет компартии, действовавший с 1939 года. Согласно ему всякий коммунист подлежал аресту как враг нации.

27 сентября – опубликовано постановление о проведении переписи еврейского населения: “Евреями считаются те, кто принадлежал или принадлежит к еврейской религии или у кого из числа бабушек и дедушек больше двух – еврей”.

3 октября – выпущен первый антиеврейский закон, запрещавший евреям занимать должности, “открывающие доступ к власти”, в частности выборные, государственные, преподавательские, работать в кино, на радио, в театре. Ограничивался доступ евреев в университеты и к свободным профессиям.

4 октября – депутаты приняли закон, позволявший без ордера и предъявления обвинения арестовывать евреев-иностранцев. В результате к декабрю 1940 года в лагерях неоккупированной зоны, в том числе и расположенных в Северной Африке, насчитывалось 55 000 заключенных евреев.

24 октября – на вокзале местечка Монтуар в департаменте Луар и Шер Петен встретился с Гитлером.

30 октября – 84-летний Петен, которого за глаза частенько называли “Пютен” (от слова putain – проститутка, путана), выступил с обращением к нации, в котором сообщил, что в ходе встречи ему удалось договориться с Гитлером о сотрудничестве в деле “установления нового европейского порядка”: “Французы! В минувший четверг я встретился с рейхсканцлером. На-

ша встреча пробудила надежды и породила беспокойство; я должен дать на этот счет некоторые пояснения [...]. Я принял приглашение фюрера по свободной воле. Я не подвергался какому-либо “диктату”, какому-либо давлению с его стороны. Мы договорились о сотрудничестве между нашими двумя странами [...]. Министры несут ответственность только передо мной. Надо мной одним свершит свой суд история. До сих пор я говорил с вами как отец, сегодня я говорю с вами как глава нации. Следуйте за мной! Храните вашу веру в вечную Францию!”

13 декабря – П. Лаваль, откровенно пронемецкая политика которого смущала даже Петена, отправляется в отставку. Новый премьер-министр П. Фланден берет курс на “модернизацию”, превращающуюся на деле в фашизацию. Правду сказать, режим Виши порой взбрыкивал и проявлял строптивость. Так, 27 ноября 1942 года по приказу Адмиралтейства Виши был затоплен стоявший на рейде в Тулоне военно-морской флот. Сделано это было для того, чтобы предотвратить захват его немцами. В итоге французский флот Германии не достался, однако потеря его означала для режима Виши утрату последнего символа своей власти и доверия со стороны Германии. Однако де Голль из своего Лондона раскритиковал действия адмиралов Виши за то, что те не отдали приказ флоту прорываться в Алжир. Угодить полковнику было непросто.

Большая часть крейсеров была вскоре поднята со дна итальянцами для ремонта и пущена на металл.

20 декабря – опубликована Спортивная хартия, разработанная под руководством назначенного Петеном в начале декабря комиссара по спорту теннисиста Ж. Боротра. Спортивные общества объявлялись “самыми надежными средстами национального возрождения” и должны были воспитывать в молодежи “дух дисциплины и самопожертвования”.

Что ж, поговорим о социальной и культурной политике режима Виши.

Эпоха Виши воспринималась как тотальный реванш антиреспубликанских (а не только борющихся против Народного фронта) сил, а стремление вишистов построить “новую Францию” означало в некотором роде возрождение образа “вечной Франции”, существовавшей до 1789 года.

Современники отмечали и то, что многие генералы, подобно Фошу, Петену и Вейгану, были монархистами и смотрели на республику как на неизбежное зло и терпели ее со смешанным чувством снисходительности и презрения. Как утверждали многие французские “народоправцы”, французские генералы никогда не считали республику тем государственным строем, за который им стоило бы сражаться. Вейган был клерикал до мозга костей. “Он неразлучен с папами”, – как-то сказал о нем “добрый француз и католик” Ж. Клемансо. Вейган оказывал свое влиятельное покровительство “Патриотической молодежи”, полуфашистской юношеской организации, и, как полагали многие, был одним из вдохновителей так называемых “кагуляров” (“*sagouards*”) – членов тайной профашистской организации “Секретный комитет революционного действия” (*Organisation secrète d’action révolutionnaire*, OSAR), образованной и проявившей себя в период между 1935 и 1937 годами. Кагуляры всерьез подумывали о том, чтобы посредством террора и вооруженной силы сбросить демократическое правительство.

Руководители французской армии твердо усвоили одно: чтобы выслужиться при республике, надо скрывать свои антидемократические убеждения, во всяком случае высказывать их возможно осторожнее. Вейган постиг это в совершенстве. Когда молодой министр авиации в кабинете Даладье, Пьер Кот, решил предупредить премьера об антидемократических, реакционных тенденциях Вейгана, Даладье ответил ему: “Да вы послушали бы, что он говорит! Я ручаюсь за него головой!”

Идеология вишистского режима питалась застарелой враждебностью, которую испытывали многие католики и к республике, и к принципу отделения церкви от государства, узаконенному во Франции в 1905 году. (“Хватит кормить Папу!”). Этим же чувством были продиктованы как первые мероприятия правительства Виши, направленные на развитие религиозного образования, так и его попытки реформирования основ светского образования (прежде всего, введении института классовых воспитателей). Именно эти меры обеспечили вишистам, по крайней мере в первое время, массовую и безоговорочную поддержку значительной части католического духовенства. В целом основой

“идеологии” нового режима провозглашалась защита традиционных культурных ценностей.

С другой стороны, Петен и его окружение не скрывали, что намерены создать политический строй по образу и подобию нацистской Германии. “Нацистские идеалы – это наши идеалы”, – говорил маршал. В одной из брошюр, изданных в Виши, об этом говорилось прямо и без экивоков: “Поражение мая-июня 1940 г. было крушением режима... Франция ждет нового режима, и, как это бывает после каждого большого поворота, мы, естественно, склоняемся к тому, чтобы учредить у нас режим, аналогичный существующему у наших победителей”.

Дух оптимизма своевременно подкрепила выставка “За сильную Францию в объединенной Европе”, открывшаяся в Большом дворце Парижа, под охраной СС.

Не обошлось и без существенных новелл в законодательстве, согласно которым по указу 1940 года проживавшие на территории оккупированной немцами евреи лишились значительной части гражданских прав.

Историки долго гадали, был ли этот шаг уступкой требованиям Германии, или же собственной инициативой вишистов, или и тем и другим одновременно. Спорили об этом долго, куда уже в наши дни дотошный французский историк и общественный деятель С. Карлсфельд не раскопал собственноручные пометки Петена на текстах ряда указов и не поведал об их содержании на страницах известной английской газеты “The Guardian”. Из сего явствовало, что глава правительства Виши распорядился еще более ужесточить “антиеврейский” указ, полностью лишив евреев права работать во многих областях, включая юриспруденцию и сферу образования.

Кроме того, Петен расширил область применения указа, распространив его на всех без исключения евреев, включая тех, кто получил французское гражданство до 1860 года – в соответствии с изначальным текстом, на них накладываемые законом ограничения распространяться были не должны.

В связи с этим Карлсфельд заявил, что, издавая указ, маршал Петен, по видимому, руководствовался не только инструкциями Германии, но и собственными соображениями антисемитского характера. По словам историка, текст с пометками Филиппа Петена стал первым документом, свидетельствующим о личном участии маршала в гонениях на евреев (до того дня бытовала точка зрения, согласно которой Петен старался укрывать французских евреев от преследований).

Профессор Сорбонны Бардеша признавал: “От всего сердца я одобрял коллаборационизм, как путь восстановления дружбы между нашими двумя странами и как единственный способ самозащиты Европы от СССР... Нашим убеждением было, что войны добивались евреи. В противоположность тому, что утверждали после 1945 года, почти все время оккупации большинство французов смотрело равнодушно на то, что происходило с евреями”.

Не отставал от своего шефа – маршала Петена – и генерал Вейган, проявлявший в “еврейском вопросе” личную инициативу, столь не свойственную ему на поле брани. Благодаря ему, назначенному в сентябре 1940 года генеральным представителем главы Виши в Северной Африке, законы и правоприменительная административная практика, ущемлявшие права евреев на “украинах” империи, были подчас более жёсткими, чем в метрополии. Так, еврейские дети были попросту исключены из школ. И едва ли эту ретивость генерала можно объяснить его желанием “прогнаться” под фюрера, руки которого до Северной Африки явно не дотягивались.

Остается лишь гадать, какими личными мотивами руководствовался при этом генерал Вейган. Тонкость в этом вопросе заключается для психолога в том, что, по официальным данным, Макс Вейган родился в Брюсселе, а французское гражданство принял уже после учёбы в элитной Особой военной школе (академии) Сен-Сир, выпускниками которой стали 11 маршалов Франции, 6 членов Французской академии (включая самого Вейгана), трое глав государств и один блаженный.

Его первоначальной фамилией была “де Нималь”, а воспитателем – марсельский еврей Коэн де Леон. Француз Франсуа-Жозеф Вейган, служивший у Коэна де Леона, признал Максима своим внебрачным сыном, и таким образом он получил фамилию Вейган и французское гражданство. Поступив

в Сен-Сир, Вейган почел за благо разорвать все связи со своей еврейской семьей, прослышав, что на самом деле он внебрачный сын принцессы Шарлотты Бельгийской, императрицы Мексики, или даже её брата короля Бельгии Леопольда II. Так это или не так, или не совсем так, теперь уже не дознаешься, а рассказ Максима Вейгана о своей молодости занимает в его трёхтомных мемуарах всего лишь четыре страницы. О своем происхождении генерал не написал ни строчки. Кто упрекнет его за это? Возможно, он и сам мало что знал достоверно. Не исключено также, что акция с последующим признанием своего отцовства Франсуа-Жозефом Вейганом была частью некой хитроумной комбинации.

Неоспоримым фактом остается лишь то, что в период своего “вишистского наместничества” генерал пытался играть сразу на нескольких досках. Свой сеанс одновременной игры Вейган вел более года. На одних он ставил шах и мат политическим оппонентам вишистов, с легкостью необыкновенной отправляя их в концлагеря. На другой сорвал план по передаче Германии французских военно-морских баз в Бизерте и Дакаре, а еще на одной предложил ничью нейтральному в ту пору Рузвельту, пытаясь добиться от него всемирного перемирия “без победителей и побеждённых”. Скажем прямо, для того чтобы погасить разгоравшуюся мировую войну с помощью тех, кто всемерно, методично и исподволь ее разжигал, нужно было осознавать себя, по меньшей мере, политическим и стратегическим гением и быть великим умом в реале.

Но всему прекрасному приходит когда-нибудь конец. И когда спецслужбы рейха засекли известного генерала-англофоба в связях с англичанами, то нервы у фюрера не выдержали, и в ноябре 1941 года тот в ультимативной форме потребовал от Петена отправить Вейгана в отставку. Маршал взял под козырек, после чего персоной генерала вплотную занялось гестапо.

Следует сказать, что за время работы правительства Виши десятки тысяч человек были депортированы из Франции напрямик... в концентрационные лагеря Германии. Кончилось дело тем, что в феврале 2009-го Административный суд Франции признал правительство режима Виши ответственным за депортацию тысяч евреев в немецкие концентрационные лагеря. Согласно данным суда, во время правления режима Виши с 1942 по 1944 годы в лагерь было депортировано 76 000 евреев. Вынесенное решение стало официальным признанием причастности французского правительства времён Второй мировой войны к Холокосту.

Как и в любом добропорядочном и в меру благоустроенном государстве, была в Виши и своя легальная оппозиция. И составляли ее так называемые “зазу”. “Зазу” были тем, что в пятидесятые годы называлось у нас “стилягами”. Само обозначение французских стилистов образовалось от названия песенки негритянского певца и плясуна Кэба Кэллоуэя (Cab Calloway) “Zaz Zuh Zaz”. Желающие могут заглянуть по сему поводу в интернет.

Оппозиционность “зазу” заключалась в том, что они открыто демонстрировали свою любовь к джазу, не приветствовавшемуся и тем более не поощрявшемуся в Виши, одевались отлично от принятых в обществе норм и даже устраивали некие акции протеста, в которых иные наши современники усматривают антифашистскую подоплеку.

Как отмечает известный интернет-автор *lord-k*, во время оккупации зазу выражали свой протест, организовывая танцевальные конкурсы и нося слишком длинную одежду, несмотря на строгую регламентацию количества ткани, отводимой на пошив одного предмета одежды. Они также отращивали волосы, в то время как вишистской властью было постановлено сдавать свои волосы (и, соответственно, коротко их стричь), которые во время Второй мировой войны использовались для изготовления носков.

В 1940 году Министерство по делам молодёжи объявило зазу врагами, представив их широким массам опасными и дурно влияющими на добропорядочную молодёжь элементами общества. В тот же год в прессе выходит 78 статей, направленных против зазу. Они мгновенно становятся врагами № 1 фашистской молодёжной организации во Франции. Члены этой организации выслеживали зазу и с криками “Скальпируйте зазу!” стригли их наголо. Помимо этого, зазу подвергались нападению на улицах, их избивали среди бела дня, многие из них даже были отправлены на исправительные работы в поля. Кто принимал решения, “кого-куда” и какова была процедура

его принятия, основывавшегося на внешнем виде обвиняемого, дознаться теперь нелегко.

Когда евреев обязали носить жёлтую звезду, многие зазу – очевидно из чистого хулиганства! – тоже стали пришивать к своей одежде подобный аксессуар. Только вместо “еврей” они писали на своих звёздах “Зазу”, “Свинг” или “Гой”. Были и такие, кто вместо надписи рисовали в центре звезды христианский крест, а некоторые были ещё более оригинальны и носили на своей одежде не звезду, а жёлтую розу, которую, однако, издалека было легко спутать с пресловутой звездой Давида. Многие зазу всерьёз заплатились за свои дразнилки и были депортированы в места, не столь отдаленные, вместе с евреями (<http://lord-k.livejournal.com/301850.html>).

Разбираться со стилигами-вольнодумцами было, разумеется, проще, нежели искоренять притаившуюся внутреннюю крамолу. Легко было свистнуть в два перста и отмутузить пижонов с вечными зонтиками в руках и в клетчатых пиджаках не по размеру и даже мадмуазелей в черных очках, коротких плиссированных юбках и обуви на деревянной подошве!

Обострившееся гражданское чувство и на сей раз не подвело французов: посыпались сигналы в полицию и службы безопасности. Энергия бдительности забила версальским фонтаном. Так что рассказ о том, как измученное гестапо было вынуждено повесить на отделении в Лионе объявление “Анонимные доносы более не принимаются”, не выглядит таким уж фантастичным, тем более, что расследовать доносы анонимные куда сложнее, нежели подписанные.

Во Франции много шуму наделал показанный по ТВ в марте 2012 года фильм “Доносы в период оккупации”, в котором повествуется о том, как 40 миллионов тогдашних французов настрочили друг на друга 4 миллиона доносов. Если отбросить малолетних, немощных и впавших в старческое беспмятство, то получается, что доносительство было нормой жизни.

Бдительные французы забрасывали правительство Виши и германские власти миллионами доносов, обвиняя друг друга в подрывной деятельности, в связях с Москвой, в уклонении от выезда на трудовую повинность в Германию, в том, что слушали передачи лондонского и московского радио – да в чём угодно, лишь бы отправить избранную жертву в концлагерь в надежде, что она никогда оттуда не вернётся (<http://www.leblogtvnews.com/article-denoncer-sous-l-occupation-documentaire-inedit-101519318.html>).

Стучали все на всех: на коммунистов, неугодных мужей, редких борцов Сопротивления (из них, кстати, едва ли большинство французами как раз не являлось), конкурентов по ремеслу и торговле, на неугодных соседей, нелюбимых сотрудников, на членов семьи и на незнакомых, доносили, подписываясь, и анонимно.

Любопытно, однако сравнить: сколько доносов на сограждан в те славные годы наклепали французы, а сколько германцы. Правда, рейх продлился в три раза дольше, чем немецкая оккупация Франции, так что уж в пересчёте на год и душу населения острый галльский смысл с его ежегодным миллионом одних только письменных доносов наверняка превзойдет и затемнит “сумрачный германский гений”, также весьма склонный поделиться с полицией благонамеренными соображениями о своем знакомце или соседе.

В целом же жизнь французов, что в немецкой зоне, что в зоне Виши налаживалась, пока не наладилась вовсе. Вот что писал в своей книге “В мире безмолвия” всемирно известный кинорежиссер Ж.-Ив Кусто (в те поры военно-морской офицер): “Это было в 1943 году, в разгар войны, в оккупированной противником стране, но мы настолько увлеклись нырянием, что не обращали внимания на **необычные обстоятельства** ...” Да, конечно, война и оккупация твоей родины – весьма необычные обстоятельства...

В 1942-м Ж.-Ив Кусто занялся нырянием и подводными съемками. Все бы ничего, но ему мешали итальянцы, оккупировавшие Южную Францию. “Итальянцы, – отмечал Кусто, – были начеку; они не хотели давать нам разрешения выйти в море с рыбаками. Тщетно старались мы произвести на них впечатление письмом из Международного комитета по исследованию Средиземноморья, во главе которого ранее стоял итальянский адмирал Таон ди Равель. Стоило нам заплыть за пределы зоны, отведенной для купальщиков, как посты открывали огонь, причем я так и не мог понять, делалось ли это по злобе или просто так, для забавы.

Потом итальянцев сменили немцы. Совершенно неожиданно я обнаружил, что мое письмо производит впечатление на самых свирепых гитлеровцев. Слово “культура” оказывало на них магическое воздействие, и мы смогли возобновить свою работу без особых помех. Притом они никогда не допытывались, чем мы занимаемся, к счастью для нас. Позднее мы узнали, что германское морское министерство затратило миллионы марок на создание подводного снаряжения для военных целей. Некоторые из их испытательных команд, очевидно, ныряли неподалеку от нас”.

Ну вот, оказывается, гитлеровские чины трепетали при слове “культура” и изрядно пугались, когда перед их носами размахивали бумажками с подписью и печатью в ее поддержку!

Происходили вещи и вовсе неслыханные. Так, Ж. Дюкло, заменявший, временного осевшего в Москве М. Тореза, дал указание своим партийцам установить контакт с оккупантами и возобновить в Париже выпуск коммунистической “Юманите”. Немцы не возражали. Но тут возмутилась французская полиция, не успевшая забыть того, что компартия, ввиду ее предательства, была распущена.

Бурной и насыщенной была и культурная жизнь Франции, особенно в зоне немецкой оккупации. Мастера культуры и власти дум – Ж. Ануй с Ж. Кокто, Ж. Жироду с Ж. Превером, Э. Пиаф с М. Шевалье, Ж. Марэ с Фернанделем и С. Лифарем в придачу, и агент В. Шелленберга Коко Шанель четко и недвусмысленно обозначили свою как бы гражданскую позицию, показав на деле, “с кем они”.

Впрочем, трудно вообразить себе голосистого “воробушка” Эдит Пиаф, пускающую под откос немецкие эшелоны, а комика Фернанделя в качестве партизана (“маки”) бегающего по горам с трофейным автоматом. Довольно было и того, что он весело глядел с киноафиш, одетый по последней моде, в галстук-бабочке и со шмайссером наперевес. А можно сказать и так: мастера культуры оставались вместе со своим народом, а народ оставался на стороне своих победителей.

Политика немецких властей во Франции была прямо скажем, доброжелательной, а управление осуществлялось французскими руками. Под особое покровительство была взята интеллектуальная и художественная элита. Особое значение придавалось “важнейшему из искусств” – кино. За годы оккупации французская киноиндустрия выпустила 240 полнометражных и 400 документальных фильмов, а также мультипликаций, превзойдя по объему произведенную кинопродукцию самой Германии.

Чтобы помочь финансированию студий и, естественно, обеспечить идеологический контроль, создали специальную компанию “Континенталь Фильм”. Тридцать из общего числа лент были созданы прямо на немецкие деньги. Шумным успехом пользовалась экранизация романа Мопассана “Милый друг”, осуществленная под надзором рейхсминистерства пропаганды. В программы регулярно включались обзоры новостей, снятые военными операторами.

На этих-то дрожжах и поднималась “новая волна” французского кино, а в роли сценаристов выступали такие мастера, как Жан Жироду, Жак Превер, Жан Ануй и др. Именно тогда начинали свою карьеру знаменитые актеры Жан Марэ, Даниэль Даррье, Жерар Филипп. Разнообразие дарований соответствовала и изощренность вкусов.

В книге английского писателя Д. Прайс-Джонса о Париже во времена Третьего рейха (*David Eugene Henry Pryce-Jones. Paris in the Third Reich* (1981)) рассказывается, между прочим, о сожительстве Жана Марэ с драматургом Жаном Кокто, девизом которого была фраза: “Да здравствует позорный мир!” Эта пара, занимавшая апартаменты в “Пале-Рояле”, не испытывала недостатка даже в опиуме, которым обеспечивался Кокто.

В 1943 году была поставлена пьеса “Тристан и Изольда” в которой Жан Марэ представил не столько легендарного любовника, сколько идеализированного эсэсовца. Когда же один из критиков написал о “гомосексуальной ауре”, исходившей от Марэ, тот ответил ему публичной пощечиной, что было совершенно объяснимо: за мужеложство в рейхе можно было легко угодить за колючую проволоку. В итоге будущий мушкетер и граф Монте-Кристо отделился легким испугом. А через двадцать с лишним лет – в 1963 году – бюсты двух нежных друзей, двух Жанов – Марэ и Кокто – изваяет выдающийся немецкий скульптор А. Брекер.

Оброним о нем пару слов.

Арно Брекер получил звание профессора по личному распоряжению фюрера 20 апреля 1937 года, отметившего столь необычным способом свой день рождения, а через 10 дней – 1 мая – ответный подарок фюреру сделал уже Брекер, вступив в ряды НСДАП.

В октябре 1940 года Брекер сопровождал Гитлера во время его экскурсии в Париж, где тот знакомился с памятниками архитектуры и “объектами культуры”.

Ровно через месяц – в ноябре того же года – Берлин посетил с официальным визитом “железный нарком” В. М. Молотов. На коктейле, устроенном в его честь, Вячеслав Михайлович передал Брекеру приглашение И. В. Сталина поработать в СССР.

В своих воспоминаниях Брекер так описал свою встречу с наркомом иностранных дел СССР на приеме в отеле “Кайзерхоф”: “Молотов оказался маленьким и коренастым, у него было бледное, непроницаемое лицо и отсутствующий взгляд, в котором не отражалось никаких эмоций. Он спросил меня, готов ли я выполнить в России монументальные работы по заказу Сталина. Русский переводчик перевёл мне то, что сказал Молотов:

– Ваши работы произвели на нас впечатление. У нас в Москве есть большие здания, облицованные камнем. Они ждут отделки. Сталин – большой почитатель вашего творчества. Ваш стиль вдохновит и русский народ, он его поймёт. Нам не хватает скульптора вашего значения.

Потрясенный, я мог только поблагодарить за оказанную мне высокую честь и попросил времени для раздумья”. (Breker A. Im Strahlungsfeld der Ereignisse. 1972, s. 148.)

И кто знает, какими бы шедеврами украсил Москву Арно Брекер, не будь у фюрера своих планов в отношении СССР, весьма отличных от планов товарища Сталина.

Гитлер любил Брекера: даром что ли он ваял бюсты нацистских бонз, включая самого фюрера. И доказательством тому может являться то, что когда на излете рейха – 21 марта 1945 года – скульптор отправил в Берлин список невыплаченных гонораров, на его счет было переведено 5,5 млн рейхсмарок. В целом же из причитавшихся ему 27,4 млн рейхсмарок до конца войны Брекер получил 9,1 млн. И пусть историки выясняют, с чем была связана щедрость фюрера: с любовью к творчеству Брекера или со стремительным обесцениванием рейхсмарки.

В 1948 году Брекер успешно прошел через унижительную процедуру денацификации. Несмотря на привилегированное положение в Третьем рейхе и членство в нацистской партии, он был идентифицирован лишь в качестве “попутчика” и приговорен к штрафу в размере... 100 марок. Правда, новая власть отлучила великого мастера от живительного источника госзаказов. Зато не ослабевал поток предложений частных.

Умер А. Брекер в 1991 году в Дюссельдорфе, успев отпраздновать свое 90-летие.

Ничего удивительного в интересе тов. Сталина к Брекеру нет. Приглашали же на работу в СССР великого немецкого конструктора Ф. Порше!

Кстати сказать, после войны великий конструктор автомобилей и танков был арестован по делу, возбужденному французским министерством юстиции. Лишь после 20 месяцев отсидки с профессора Порше сняли обвинения в военных преступлениях. Тем не менее, с него взяли подписку о невыезде в течение года из французской зоны оккупации.

В своей зоне оккупации, которую пожалуй им с барского плеча Сталин, Рузвельт и Черчилль, французы разойдутся не на шутку, а немцы взвоют волками. По свидетельствам современников, зверства в отношении мирного населения Германии во французской зоне творились почище тех, что происходили в Померании, где отводили душу поляки. Что уж такого плохого сделали немцы французам, не ясно. Разве что закупали за полновесные марки у французских виноградарей вино, а также поставляемое на фронт сыр у владельцев сыроварен. Однако благородная ненависть французов вспикела волной и не знала краев. В изданной в 1958 году в ФРГ так называемой Белой книге приведены тысячи фактов грабежей, убийств и изнасилований, которые творили в своей “зоне” французы. Но все это случится уже “потом”.

С приходом немецких оккупантов резко оживилась театральная жизнь Парижа: в 1943 г. кассовый доход вырос в три раза по сравнению с довоенным 1938 годом, а оперные и балетные премьеры в “Гранд-Опера” шли благодаря Сергею (Сержу) Лифарю и немецким деньгам нескончаемой чередой. Всего в “Гранд-Опера” Лифарь поставил более 200 спектаклей, воспитал 11 звёзд балета, в 1947 году основал в Париже Институт хореографии при “Гранд-Опера”, с 1955 года он вёл курс истории и теории танца в Сорбонне, был ректором Университета танца, профессором Высшей школы музыки и почётным президентом Национального совета танца при ЮНЕСКО и т. д. и т. п.

О нем стоит сказать несколько слов.

В июле 1940 года, когда Париж посетил Геббельс, Лифарь был персональным гидом в “Гранд-Опера”. Но это едва ли можно поставить мосье Сержу в вину: это было, что называется, по долгу службы. Зато осенью 1941-го, когда немцы захватили родной город Лифаря, Киев, мосье Серж послал приветственную телеграмму фюреру. В следующем – 1942 году – артист трижды посетил Германию, где был тепло принят верхушкой рейха.

Лифарь был завсегдаем приемов в “Немецком Институте”, гнезде парижских коллаборационистов, его портреты не сходили со страниц журнала “Сигнал”, органа министерства пропаганды. Не обошлось, правда, без досадных недоразумений, о чем выдающийся балетмейстер и танцовщик поведал в своих мемуарах. Однажды на него поступил донос, что он никакой не русский, а самый натуральный скрытый еврей. Обосновывалось это тем, что если, мол, фамилию “Лифарь” прочесть “наоборот”, то выйдет “Рафил”. Последовал вызов в соответствующие инстанции с целью выяснения существа дела. Вконец растерявшийся Лифарь не нашел ничего остроумнее, как выложить “аргументы на стол”, как это принято называть в иммиграционной службе Израиле процедуру доказательства своего еврейства. Подобный стиль аргументации едва не был расценен в качестве оскорбления германских властей, но все обошлось.

Тем не менее, работа в Париже во время оккупации привела к резкому повороту в судьбе Лифаря: люди де Голля в Лондоне обвинили его в коллаборационизме и приговорили к смертной казни, выискивая среди бесчисленных мастеров французской культуры того единственного, “кого было не жалко”. Да и сам де Голль был вполне равнодушен к балету. И то, что этим единственным оказался русский, было вполне естественно.

На это досадное обстоятельство Лифарю можно было бы и не обращать внимания, если бы не ухудшающееся положение на фронтах. Чуть позже – и ох, как некстати! – в Нормандии высадились англо-американцы. Друзья отнеслись к Сержу сочувственно и при приближении союзников к Парижу напоминали ему, что у него “могут возникнуть неприятности”. Сами же они чувствовали себя вполне уверенно и с любопытством следили за развитием событий.

Лифарь не стал дожидаться худшего и срочно улетел в Монако. Там с 1944-го по 1947 год он возглавлял труппу “Новый балет Монте-Карло”. После войны Национальный французский комитет по вопросам “чистки” отменил обвинение, и балетмейстер триумфально вернулся в родной театр.

(Продолжение следует)